

УДК 130.3

МЕТАФИЗИКА ВОЙНЫ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Халапсис А.В.

Статья посвящена идентификации военных конфликтов как культурно-исторических феноменов в контексте метафизики истории.

Ключевые слова: война, цивилизация, метафизика истории.

Объектом исследования выступает война как форма исторического становления. **Целью** статьи является метафизическая идентификация военных конфликтов в культурно-историческом контексте.

История человечества разворачивается как гетерогенный процесс, не только явленный, но и фундированный со-*бытийностью*. Среди событий, определяющих облик всемирной истории, есть значительное количество деструктивных феноменов, разрушающих прежний порядок и провоцирующих неустойчивость, причем это количество и роль, которую они играли и ныне еще играют, поражают своей масштабностью. Так, Карл Поппер утверждал, что «... *история политической власти является ничем иным, как историей международных преступлений и массовых убийств* (включая, правда, и отдельные попытки положить им конец). Эту историю преподают в школах, а некоторые крупнейшие злодеи расхваливаются как ее герои» [1, с. 293].

Почему «кровоточат» учебники по истории? Возможно, деструкция является необходимым составляющим конструкции иного уровня, коль скоро эти преступления и убийства столь знаковы, что их организации (и организаторам) уделяется такое внимание в «школьной» истории и не только в ней. Даже на уровне бытовых ассоциаций мы склонны эти деструктивные события выделять из разряда всех прочих феноменов, неявно придавая им бóльшую значимость уже фактом наделения их правом отмерять исторические этапы в качестве узловых событий.

Каждая война вызывается своими конкретными причинами, однако сводится ли к ним сущность войны? Обстоятельства всегда уникальны, но если эти уникальные обстоятельства раз за разом приводят к повторяющимся инвариантам, то войну, выступающую в таковой ипостаси, уже нельзя считать какой-то случайной глупостью, нелепостью, результатом чьих-то амбиций, жадности, честолюбия, коварства и т.д., но – одним из тех онтологических факторов, которые определяют облик всемирной истории. Меня сейчас интересуют не причины той или иной войны, а причины того, что война в принципе не только возможна, но и занимает такое важное место в истории человечества.

Регулярность и частота военных конфликтов говорит о том, что задействованность их в историческом бытии не сводится к наличию неких злодеев, которые стравливали народы между собой, не говоря уже о том, что историческое реноме правителей, устраивающих подобные эксперименты над терпением своих

подданных, было бы изрядно испорчено. Короли-«ястребы» не только не встречаются, как правило, серьезного противодействия в своем обществе, они еще и зачастую намного популярнее своих коллег «голубей». Кстати, это одна из причин того, что мне не кажется убедительной теория М. Уолша [2], склонного причины войн выводить из психической неадекватности некоторых лидеров. Психопаты могут оказаться (и порой оказывались) во главе государства, но почему их замыслы вызвали такой отклик в душах других людей, почему они имели достаточную власть и авторитет, чтобы навязать свою волю другим, почему многих из них и современники, и потомки читали и сейчас еще чтут как выдающихся исторических деятелей?

Я рассматриваю политическую историю в ее фундаментальном аспекте как индикатор истории духа. Поскольку же политическая история есть история «международных преступлений и массовых убийств», то возникает вопрос о сущности войны как таковой, коль скоро она так *кровно* связана (через политическую историю) с духом. А выявление ее сущности начнем с обсуждения того, в какой степени этот центральный элемент политической истории сам является политическим фактором.

Война – это продолжение политики иными методами. Это восходящее к Клаузевицу определение давно стало классическим. Но то, что война выступает инструментом международной политики (а под «политикой» имеется в виду именно международная политика) еще не следует, что она суть только политический инструмент. Целые эпохи в истории человечества рассматривали войну как главное средство разрешения противоречий, а мир скорее воспринимался как временная мера, необходимая для передышки. Дипломатией правители пользовались более для заключения союза против кого-то, нежели для заключения мира между собой. То есть, скорее политика рассматривалась в контексте войны, чем война – в контексте политики.

Большинство правящих династий имело своими основателями военачальников, военных вождей, которые получали власть силой или завоеванным на поле боя авторитетом. Их потомки вынуждены были об этом помнить; не во всех обществах король был одновременно верховным жрецом, но практически во всех – верховным военачальником. Титул «император», который принимали первые римские цезари как один из многих, впоследствии стал главным титулом, перекочевавшим в другие общества; как известно, первоначально он имел значение солдатского вождя.

С войной связано и появление аристократии в европейском понимании этого слова. Первые аристократы – это боевые товарищи короля, командиры в его армии, которым за службу жаловались земельные владения и замки. Власть в древних обществах почти не разделялась на гражданскую и военную (особняком стояла духовная власть). Если римские легионеры были профессиональными военными, то их командиры либо переходили с военной на гражданскую службу и наоборот в своем карьерном росте, либо совмещали их. «Совместителями» были и средневековые маркграфы, польские и русские воеводы и т.д.

Поскольку необходимым элементом власти как таковой является *сила*, управление обществом предполагает, что правитель имеет в своем распоряжении средства для принуждения подданных к выполнению своей воли, взамен чего он гарантирует им защиту от внешних источников силы. Поэтому власть изначально не

могла не исходить из одного центра. Когда власть трансформируется в *систему управления*, лишаясь сакрального характера и приобретая сугубо рационально выраженные функциональные свойства, появляется возможность ее диверсификации (иногда, но не всегда, сопровождаемой децентрализацией).

Лежащий в основе либеральной идеологии принцип разделения властей своей необходимой предпосылкой имел другое разделение – власти военной и гражданской. Но последнее разделение касалось в большей степени *орудий воли*, а не ее носителей. Если разделение законодательной, исполнительной и судебной власти выражает концептуальную установку, то разделение военной и гражданской власти не выражает концепции, оно лишь демонстрирует дифференциацию чиновнического аппарата, который на определенном этапе начинает ощущать потребность в специализации государственных служащих, в частности, их разделение на чины военные и гражданские.

То есть, война на протяжении почти всей человеческой истории сама выступает как фундирующий фактор политического бытия, и лишь относительно недавно превращается в один из политических инструментов. Меняются формы организации войны, но на протяжении всей известной нам истории она присутствует как обескураживающая своей фактичностью данность.

Я определяю войну как *форму исторического становления человечества, которая заключается в стремлении одних социумов навязывать свою метафизическую волю другим с помощью насилия*.

Все государственные и протогосударственные образования основаны на *силе*, для демонстрации которой используется насилие. Последнее применяется «внутри» для наказания тех, кто подрывает авторитет властей, вступает в противоречие с законами, нормами и правилами социального поведения. Оно же используется и «вне» для утверждения данного общества и борьбы с конкурентами. Насилие – эквивалент силы, а сила – одна из важнейших характеристик жизнеспособности. Поскольку сила в чистом виде нестабильна, коллектив для своего упрочнения нуждается в объединяющей идее как мировоззренческой мифологеме, которая выступает второй важнейшей характеристикой жизнеспособности.

Под жизнеспособностью я понимаю наличие у коллектива качеств, помогающих ему противостоять неблагоприятным внешним и внутренним обстоятельствам. Большинство человеческих коллективов (формальных и неформальных) достаточно быстро распадаются ввиду отсутствия в их основе силы, идеи, или того и другого. Историческими субъектами становятся те из них, которые смогли проявить свою жизнеспособность, соединив силу с идеей, а война, которая оказывается столкновением коллективной силы и идеи с другой коллективной силой и идеей, выступает одним из критериев жизнеспособности.

В своем определении я еще назвал фактор метафизической воли. Это принципиальный момент. Противника необходимо не только подавить, но и морально сломить, заставить подчиниться своему онтологическому проекту, принять свое мироустройство. Походы варягов, набеги пиратов (древних и современных) имели и имеют своей главной целью получение добычи. Здесь чистый бандитизм. Кортес и Ермак также занимались грабежами и бандитизмом, но при этом они еще распространяли власть своих империй, рассматривая свою деятельность в этом метафизическом контексте. Не факт, что они были лучше

обычных бандитов, а вреда покоренным они принесли значительно больше, но они выступали от имени воли, превосходящей их самих. Каждый за-вое-ватель в собственных глазах и в глазах своего окружения выступает *орудием высшей воли* (духов предков, чаяний народа, интересов государства, Бога и Его Церкви), каждый бандит выступает от своего имени.

Формы организации войны, допустимые и недопустимые приемы ее ведения, желаемый результат и условия, при которых война может быть прекращена в значительной степени определяется культурно-историческими паттернами, а уже затем – конкретно-историческими обстоятельствами. Причем, эти паттерны также склонны к трансформациям в рамках той меры, которая определяет самоидентичность соответствующей общности.

На разных этапах «жизни» цивилизации (а локальная цивилизация является одной из форм культурно-исторической субъектности) господствуют разные системы ценностей, отражающие представления о цели, который дух соответствующей общности на данном этапе рассматривает как идеал, выбирая средства для его реализации. Так, в Средние века крестовые походы рассматривались как самая что ни на есть «правильная», священная, достойная война. Ни какая иная военная кампания не могла сравниться с крестовыми походами по эмоциональному накалу и влиянию на мировоззрение современников. Но времена меняются. Мне трудно представить, что Бенедикт XVI объявляет крестовый поход с целью освобождения Гроба Господнего, а еще трудней – что его призыв вызовет энтузиазм, хотя бы отчасти сравнимый с энтузиазмом, который вызвала проповедь Урбана II на Клермонском соборе.

К тому же войны, ведущиеся принадлежащими к одной локальной цивилизации народами (эндоцивилизационные войны) отличаются от внешних (экзоцивилизационных) войн. Причина тому – не только то, что в рамках одной цивилизации воюющие государства имеют, как правило, сопоставимую военную технику, одинаковые или очень похожие принципы организации военного дела и т.д. Неприязнь или даже ненависть к врагу в таком случае не отменяет общей цивилизационной идентичности: *«они наши враги, но они такие, как мы!»*.

Эндоцивилизационные войны следует рассматривать как борьбу представителей единого духовного пространства за право аутентичности представления этого духа – истинной трактовки религии, справедливого государственного устройства, легитимности правления на определенных территориях и т.д. По поводу последнего замечу, что после Карла Великого претензии на земли соседей должны быть юридически аргументированы, иначе они воспринимаются всеми сторонами как нарушение божественного порядка. Даже полная оккупация чужого государства не вела к его ликвидации, если победитель не имел династических или иных оснований на соответствующую корону.

Наполеон I нарушил традиции, поскольку сам он был воспитанником революции, делегитимизировавшей династический принцип власти, и создание коалиции против него – естественная защитная реакция европейской политической системы на угрозу деструкции. На кону было не господство Франции, а сохранение привычного порядка вещей. Наполеону удалось захватить половину Европы не потому, что до него не было столь решительных монархов и таких гениальных

полководцев, а потому, что он решился «разорвать шаблон», подведя под понятие «власть» новое основание. До него так вопрос вообще не ставился.

Иным монархам было стратегически важно остановить Наполеона, не только как захватчика, но, прежде всего – как нарушителя «священных принципов». Поскольку же само существование Франции было предусмотрено этими принципами безотносительно к титулу и личности того, кто окажется во главе этого государства, захват коалициантами Парижа и низложение императора французов не повлекло за собой прекращению линии французской государственности. Достаточно было традиционной контрибуции и территориальных уступок. Они стремились сохранить «шаблон», с чем и связано возвращение престола слабым и непопулярным в народе Бурбонам.

Но хотя Наполеона и устранили с политической сцены, династический принцип был подорван, и в XIX столетии право монархов постепенно трансформируется в право наций, поэтому всеобщее сочувствие вызывает борьба за объединение Италии, Польши и т.д. Изменился status quo, но лежащий в его основе принцип легитимности сохранился. Наполеона III терпели потому, что он, в отличие от своего дяди, согласился «играть по правилам».

«Право силы» всегда играло большую роль в европейской политике, но оно никогда не было абсолютным, и существование «слабых» и даже карликовых государств Старого Света – тому подтверждение. Европейская политика (включая как дипломатию, так и военные действия) была продолжением юриспруденции. Система была настроена так, что в самой себе не предполагала сбоев. Война была не сбоем, нормальным ее (политической системы) состоянием. Оговаривались лишь формы, правила и условия войны, то есть, насилие было жестко институализировано.

Наполеон и Гитлер не были ни рождены правителями, ни воспитаны для правления. Эти политические маргиналы испытывали на прочность порядок, с которым их самих почти ничто не связывало. То, что каждый из них пришел к власти «нетрадиционным» способом, во многом объясняет их грандиозные военные успехи на первых порах и катастрофическое поражение в итоге. Их собственная маргинальность позволяла им пренебрегать юриспруденцией «старого мира» и соответственно относиться к принципам, на которых этот мир держался.

Поскольку соблюдение договоров накладывает определенные ограничения, то тот, кто может по своему усмотрению их не выполнять, имеет на первом этапе преимущества перед тем, кто выполняет договоры безусловно. Естественно, что инициатор подобного предприятия должен либо установить в этом мире новые правила игры, для чего ему придется сломить силу противодействия заинтересованных в сохранении существующего миропорядка участников, либо, если у него не хватит сил воевать со всем миром, он будет наказан, причем не столько как агрессор, сколько как «нарушитель конвенции».

Совсем другое дело, если речь идет об экзоцивилизационных конфликтах, под которыми я понимаю как военные столкновения представителей разных цивилизаций, так и войны цивилизационных народов с этносами, находящимися на доцивилизационных стадиях своего развития. Всякая экзоцивилизационная война в конечном итоге есть борьба *проектов*. Если для находящихся в одном духовном пространстве народов война оказывается состязанием *трактовок*, отсылающих к

єдиному для них коду культурно-історическої матрици, то для столкновень між представителями різних цивілізацій вона уже розворається в смещенній (розорваній) метриці лишенного континуальності духовного пространства.

Поскольку для представителей цивилизации все иные (в том числе и иноцивилизационные народы) оказываются «варварами», то к ним неприменимы правила, которые распространяются на «своих». Туземцы для имперца являются «недееспособными», их не рассматривают в качестве полноправных юридических (и политических) субъектов, они выступают как объекты, на которых направлена цивилизующая воля как внешняя инстанция. Соответственно, объект не может быть право-обладателем и хозяином родной для себя земли, которая, как «ничейная вещь», принадлежит тому, кто «первый ее нашел». Таким образом, дух избирателен, и даже в осуществлении насилия, каковым является война, он не путает «своих» с «чужими». Поэтому для «внутренней» войны действуют одни правила, для «внешней» – другие.

В качестве **вывода** отмечу, что война не просто выступает одним из элементов всемирной истории, выражаясь в актах международной агрессии, она сама есть имманентное свойство социальной реальности как культурно-исторического действия, явно, а зачастую – неявно выражая духовную конкуренцию трактовок единого метафизического проекта (эндоцивилизационные войны) или конкуренцию самих проектов (экзоцивилизационные войны). Разумеется, что за пределами данного (ограниченного объемом и жанром статьи) исследования остался большой круг вопросов. Настоящую работу я рассматриваю лишь как предварительную разметку проблемы.

Список литературы

1. Поппер К. Відкрите суспільство та його вороги / К. Поппер: Пер. з англ. – К.: Основи, 1994. – Т. 2. – С. 293.
2. Walsh, Maurice N. War and the Human Race / Walsh, Maurice N. – Amsterdam, New York: Elsevier Pub. Co., 1971. – 95 p.

Халапсис А.В. Метафізика війни: постановка проблеми // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філософія. Культурологія. Політологія. Соціологія. – 2011. – Т. 24 (63). – №3-4. – С. 211-216.

Стаття присвячена ідентифікації військових конфліктів як культурно - історичних феноменів у контексті метафізики історії.

Ключові слова: війна, цивілізація, метафізика історії.

Halapsis A.V. Metaphysics of War: Standing of Problem // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. – 2011. – Vol. 24 (63). – № 3-4. – P. 211-216.

The article deals with identification of military conflicts as a culture – historical phenomenon in the context of metaphysics of history.

Keywords: war, civilization, metaphysics of history

Статья поступила в редакцию 09.09.2011.